

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС В ПАРИЖЕ

Если понимать философию в том смысле, который ей придавали в старину и который имеет своих адептов еще и до сих пор, то может показаться очень странным такое сочетание слов: «конгресс философов». Не своеобразный ли это концерт, где каждый по очереди играет свою пьесу и затем удаляется? Иль это бранное поле, на котором теории и системы падают только для того, чтобы снова возродиться, подобно воинам. Вальгалы? Такие сомнения могло возбуждать еще и то обстоятельство, что устроителями философского турнира явились принципиальные метафизики и они должны были предоставить особым конгрессам именно те отрасли философии, которые уже заслужили титул позитивных наук, — психологию и социологию. Международный собор чистой мысли ограничился только четырьмя секциями: общая философия, логика и философия наук, этика, история философии.

Но тревожные и недоверчивые ожидания не сбылись. Рефераты были выслушаны не только с эстетическим любопытством, но и с живым стремлением взвесить в них истину и ошибки; прения, достаточно активные, все-таки скорее отличались сдержанностью, чем излишеством. Оказалось, что даже в области философии разделение труда сделало значительные успехи, и в большинстве случаев интереснее было учиться от референтов, чем возражать им.

Заседания происходили с 1 по 5 августа 1900 г. в лицее Людовика Великого, в разгаре всемирной выставки. Душою всей организации конгресса был секретарь редакции *Revue de métaphysique et de morale* Ксавье Леон со своими товарищами Кютюра и Галеви. Секретарями этической секции были избраны m-elles Бертши и Дарлю; на почве такой рационалистической науки, как философии, легче всего могло осуществиться женское равноправие, хотя бы и в столь невинной форме. По своему профессиональному составу конгресс был очень разнообразен; из иностранцев преобладали ученые, в особенности математики, — среди последних отметим нашего соотечественника профессора А.В. Васильева. Обратил на себя внимание своими рефератами Чатерджи (Chatterji), профессор индусской коллегии в Бенаресе. Личное ознакомление мыслителей друг с другом было очень плодотворно; недомолвки литературных работ, неподвижность печатных сочинений находили себе желанный корректив в устной, живой беседе, которая рассеивала много недоразумений, сделала яснее отвлеченные теории.

Конгресс был открыт главным президентом Бутру, который произнес очень содержательную приветственную речь. Он напомнил, что во время первой всемирной выставки, в 1855 году, Ренан выразил боязнь, как бы сооружение дворца промышленности не послужило симптомом интеллектуального падения и торжеством материи на счет духа. Как счастливо был бы изумлен великий скептик, если бы он мог видеть пятую выставку, которая созвала философский конгресс в обществе, по-видимому, все-

цело объятom интересами материальной культуры! После Шеллинга и Гегеля произошел глубокий разрыв между наукой и философией, до тех пор соединенными в одно идейное целое. Философия презрела науку, — наука выражала притязания на то, что она обойдется без философии. Не могло быть и речи о коллективном труде, когда представитель каждой отдельной философии думал, что в своем индивидуальном сознании он обладает всей совокупностью условий, необходимых для изыскания истины. Но теперь все это изменилось. С одной стороны, философия пошла навстречу наукам, убедившись, что они ставят себе живые и реальные задачи, которыми она не может пренебрегать; с другой стороны, ученые, пережив энтузиазм принципа «наука для науки», почувствовали стремление завершить свое дело и придать ему общий смысл путем философского синтеза тех фрагментарных выводов, к которым они пришли уже в своих специальных занятиях. В этом союзе философия не потеряла своего характера, она не сделалась простым продолжением всех положительных наук, — она стала руководить ими. Философия протянула руку гениям науки, искусства, общественной практики, она спрашивает у них о фактах и реальностях, — но в то же время зовет их к идеальным целям человеческой жизни. Психология, например, приблизилась к строю наук биологических: она предполагает, что всякое душевное состояние находится в единообразном отношении к состоянию мозга; она исследует психические феномены, насколько это возможно, в их осязательных формах, которые поддаются анализу, измерению, эксперименту, — но в то же время психология сохранила свою относительную независимость и философский замысел, и, далекая от того, чтобы наподобие физиологии или анатомии видеть в простом объяснение сложного и раствориться в пыли элементарного, она самые элементы объясняет из их синтеза и ищет общих начал для частных явлений. То же и в теории познания: хотя ее фундаментом служат позитивные науки и из них черпает она свой материал, но в центре ее остается философская и оригинальная идея умственной активности; ее своеобразная задача состоит в том, чтобы раскрыть законы чистого мышления, чистого разума. Политика, восприняв в себе элементы философии, под молодым именем социологии берет у наук о материи все сведения, какие только они могут дать, — но она не растворяется в них, потому что ее специфический характер заключается в изыскании не того, как части определяют целое, а того, как целое определяет части. По тому же пути идут метафизика, логика, этика, история философии: они сближаются с фактами, питаются ими, но не переходят в них всецело. Философы не отождествились с учеными и все-таки усвоили себе по крайней мере некоторые из их черт: они тоже ищут теперь не удовлетворения индивидуальной потребности ума, не прекрасной творческой грезы, а общечеловеческой истины; и у них вопарился теперь коллективный труд, и они поняли, что сила в союзе. Правда, каждая отрасль философии склонна считать себя чем-то довлеющим, видит в себе целое и замкнутое, центр мысли, и она могла бы повторить о себе гётевский стих: *Du nennst dich einen Theil, und stehst doch ganz vor mir, —*

но такое разделение возможно только с внешней стороны; по существу же оно было бы интеллектуальной анархией, против которой восстает наша неискоренимая потребность в гармонии и единстве. Специальные и разнородные философские науки не являются последней гранью в эволюции философии, — они представляют собою только ассизный суд философии будущего. То стремление посмотреть на вещи *sub specie aeternitatis*, которое воодушевляло великих мыслителей прошлого, не исчезло и ныне. Но возможна ли такая энциклопедическая философия теперь, когда бесконечное развитие науки далеко превышает индивидуальные силы всякого, хотя бы и выдающегося ума? Конечно, для отдельной личности недоступна эта всеобъемлющая основа точных знаний, на которой только и может воздвигнуться универсальная философия. Но то, что не под силу одному, осуществляет ассоциация умов, которые обмениваются между собою сокровищами фактов и идей. От материальных встреч философов сближаются мысли, живое слово объединяет интеллигенции, и в наше время сознание индивидуума как бы теряет свою непроницаемость. Оболочка *я* утончается, стремится исчезнуть, подобно тому как небесный свод древних от орлиного взора Коперника истаял и распался, для того чтобы привести наш маленький мир в соотношение с неизмеримостью. Из отдельных сознаний формируется единый и общий дух, и если наши предки создали семейное, племенное, государственное сознание, то нам суждено осуществить сознание общечеловеческое — орган будущей великой философии. Но когда мы собираемся вместе для работы над этим синтезом духа, когда мы обща думаем, то мы становимся не только одним умом, но и одной волей, одним чувством. И труд наш совершается не только во имя чистого сознания, но и во имя лучших идеалов жизни. Мы сошлись ради успеха философских наук, однако этот конгресс со-служит и иную службу: он объединит нас в близкую семью, он вызовет истинную дружбу, которая ни от кого не потребует отречения от своей индивидуальности, таланта и суждений и позволит каждому наслаждаться чужой активностью мысли как своею собственной. Конгресс — символ и очаг той дружбы, которая да распространится среди людей!

Эти мысли Бутру были приняты с горячим энтузиазмом, выразителем которого явился профессор Упсальского университета Geijer; от имени иностранцев он благодарил президента и комитет и приветствовал новую организацию умов и волю, которая стремится подняться выше национальных различий и «даже национальных предрассудков».

Первое заседание было соединенным: в нем сошлись члены философского конгресса и конгресса по вопросам высшего образования; оно было специально посвящено анализу преподавания философии, особенно в средних школах.

Затем во всех секциях был прочитан целый ряд сообщений и речей, из которых мы отметим лишь немногие, наиболее интересные и типичные для направлений современной философской мысли.

Одним из первых был прочитан реферат отсутствовавшего Б.Н. Чичерина «Метафизика есть ли наука?». Он напечатан в 54-й книге *Von-*

росов философии и психологии, куда мы и отсылаем интересующихся читателей.

Основная идея, проникавшая собою конгресс, — слияние философии и наук — была, кроме Бутру, приветствована знаменитым историком греческой науки Таннери. Как президент секции логики и истории наук, он обратил внимание на то, что самая эта секция служит доказательством такого слияния. «Я потому избран президентом секции, — говорил Таннери, — что мне симпатизируют ее организаторы; а эту симпатию я приобрел тем, что поощрял их, когда они были молоды, идти по избранной дороге знания. Одним я внушал не отворачиваться от философского умозрения, как венца частных истин; других, более интимных с метафизикой, чем с положительными науками, я склонял изучать последние в их деталях, которые отражают их истинный дух. В сущности единство философии и науки царило всегда, но только был период — долгий для нас, короткий для истории, — когда этого союза не замечали. В начале XIX века ученые в беспрестанном накоплении знаменательных фактов как бы не имели досуга выйти за рамки последних. Но кто же, вспомнив благие результаты этой поры фактицизма, решится бросить ученым горький упрек за это? С другой стороны, философское движение, созданное гением Канта, было так интенсивно, человеческое сознание было так глубоко взволновано им, что некоторые забыли все остальное, забыли строгую точность науки и ее метода. Но кто же станет отрицать всю плодотворность кантовской критики? В продолжение XIX века ученые приносили философам наиболее важные из своих выводов — как ценный материал для умозрения, и в свою очередь сами занимались разработкой таких философских проблем, как идея пространства и теория познания. Математическая логика — разве это не органический синтез науки и философии? Алгебра и логика — разве не позволяет их сочетание проникнуть в механизм дедукции? По истине можно сказать, что мнимый разлад философии и науки был следствием недоразумения со стороны некоторых философов и некоторых ученых: «своя своих не познаша».

В докладе проф. Тённиеса проводится мысль, что XIX век кончился, проникнутый идеей *творческого синтеза*, который должен объединить в законченную систему противоположавшиеся теории и понятия. «Творческий синтез» — это термин, который предложил Вундт для характеристики природы душевных состояний. Тённиес пользуется им для того, чтобы подчеркнуть не эклектическое, не случайное, а зиждательное направление современной мысли во всех ее сферах. Возрождаются былые идеи, на время подавленные критической и отрицательной философией. Физика XVII и XVIII веков знала материю, по своему существу инертную и получающую движение извне; физика XIX столетия, выдвигая момент живого творчества, провозгласила принцип энергии, богатой формами, принципі силы. Интеллектуалистическая психология прежнего времени уступила место психологии волюнтаристической, психологии воли, которая пытается из органических импульсов вывести элементарные функции чувствительности. Идея эволюции, в своей детской форме

встречающаяся еще у Аристотеля, достигает все большего и большего признания. Можно предсказать, что XX век, восприняв у Спенсера принцип эволютивной истории жизни, духа и культуры, у Конта — идею реорганизации социального строя, у Гегеля — идею метафизической обработки основ наших знаний, — XX век осуществит творческий синтез интеллектуальных систем, рожденных великими народами.

Илья Галеви резюмировал присланный на конгресс доклад профессора Г. Зиммеля *О религии с точки зрения теории познания*. Зиммель — социолог, и все явления духа он рассматривает как продукт общественных форм. Он игнорирует идеи и доктрины и влияние, которое они оказывают на исторический процесс. Сообразно его гносеологии, истина вовсе не есть согласие с объективной природой вещей, а произвольно-случайное приспособление, общее многим группам и представляющее собою более или менее стойкую полезность формул. Не только этика, но и логика имеет утилитарное происхождение и характер. Ту же формалистическую концепцию Зиммель прилагает и к религии. Он отделяет в последней форму от содержания, и его интересует не то, что почитается, а то, как и почему возникает почитание. Он устраняет из религии момент интеллектуальный и волевой, как недостаточно специфические и характерные для нее, и сводит ее к известному комплексу различных элементарных чувств. Религиозность — это одна из категорий чувства, которая придает свою тональную окраску тому или другому материальному содержанию, — будет ли последнее Бог, человек, народ или общественная группа.

В докладе под заглавием *Юм и современная философия* Делакура указывает на то, что ассоциационизм, позитивизм, французский неокритицизм и современный немецкий эмпиризм свидетельствуют о жизненности философии Юма; ее игнорировал Конт, но в силу бессознательной инфильтрации феноменизм английского мыслителя проник в положительную философию.

Знаменитый комментатор критики Канта, проф. Файхингер, прислал реферат *о философии Ницше*. Автор высказал о своем замечательном соотечественнике мало нового; но интересно и симпатично то, что он совсем не отнесся к Ницше с обычным профессорским высокомерием. Он признает, что «сверхчеловеческие» теории не могут быть приняты вообще, как завершенная система; но если смотреть на афоризмы Ницше, как на искры и лучи страстно ищущей мысли, то, при всем их несомненно опасном характере, они могли бы послужить стимулом к построению этики на новых и более глубоких основаниях.

Бутру высказал свои взгляды на *объект и метод в истории философии*. Историк философии беспристрастно ищет объективной истины; но в то же время он свободен в своем исследовании, и единственной целью является для него уважение к фактам и логике. История объективна, но в ее обширной сфере необходимо делать выбор, потому что нельзя всего пересказать из нее, нельзя охватить ее целиком. На чем же остановиться? Есть два ответа на предложенный вопрос, два метода. Можно искать у прежних авторов того, чем они приближаются к современному мировоз-

зрению; можно трактовать объект истории философии как законченное целое, в котором постепенно образовалась совокупность тех истин, какие являются достоянием наших дней. Но этот заманчивый способ телеологического объяснения не включает в себе внутренней гарантии и правильности. Ибо философия развивается не спокойно и последовательно, она знает бурные перевороты и волнения, те *corsi e ricorsi*, о которых говорил еще Вико; такова, например, кантовская революция, после которой нельзя уже смотреть на систему Локка, ее зародыш, с точки зрения XVIII столетия; таков девиз Целлера «возвращение к Канту», зовущий молодые поколения не вперед, а назад. Более надежен другой метод, в силу которого о прошлом судят как о прошлом и каждого писателя разбирают с его собственной точки зрения и в связи с его эпохой. Таким путем гораздо глубже можно проникнуть в изучаемый факт, т.е. в преемство мыслей и мирозерцаний. И это более справедливо по отношению к философам прошлого. «Объяснять писателя из него и для него, — сказал Гердер, — вот долг честного человека по отношению ко всякому другому честному человеку». Надо оставить в стороне конечные причины и держаться причин производящих, — надо идти не от настоящего к прошлому, а спускаться по той естественной лестнице, которую проложила история от прошедшего к настоящему.

Вслед за этим введением профессор Женевского университета Гур (Gourrd) прочел доклад *о прогрессе в истории философии*, — одну из самых важных работ настоящего конгресса. Автор затронул очень серьезный и большой вопрос о том, движется ли вперед философия, не вращается ли она в закодированном кругу одних и тех же веками неразрешимых проблем. Всякий несомненно признает за философией то достоинство, что она в гибкости своих построений конструирует формулы мира и жизни, приспособленные к нашей индивидуальности, и, не претендуя на вселенское значение, удовлетворяет субъективной «метафизической потребности», о которой так красноречиво говорил Шопенгауэр. Но, помимо этого чисто эстетического интереса и смысла, философия содержит в себе значительную долю объективных проблем, решение которых имеет существенную научную важность. Гур доказывает, что именно в этой научной области философии есть несомненный и реальный прогресс, — правда, медленный и скромный, исполненный приливов и отливов, но все-таки заметный. Мы знаем больше Аристотеля даже в философии, хотя он и превосходит нас гением. Этот прогресс философии состоит в двух поступательных движениях: одно направляется к науке, другое происходит в самой науке. Первое движение заключается в том, что философия становится все меньше и меньше интуитивной и мистической, принимая рационалистическую и объективную форму. Как и наука, она подчиняет произвольное знание знанию рефлексивному, и теперь уже не говорят в философии о преимуществах непосредственного созерцания и экстаза перед медленной точностью рассудочного анализа. Как и наука, для которой общим законом служит координация явлений, и философия стремится к универсальному и

необходимому, и понятие, доказательство, — это логическое орудие сближения фактов, играет в ней все возрастающую роль, вытесняя прежние элементы поэзии и мифологии. В то же время она освобождается из-под власти авторитетов. Оставаясь независимой от частных наук, она их систематизирует, — но с помощью их же процессов и в их духе. Для исполнения этой работы философия не должна выходить из сферы принципов и идей, присущих наукам феноменальным. Таким образом, философия сделалась наукой общих процессов человеческого духа и при этом ничего не потеряла в своем прежнем величии и даже в своих прежних притязаниях. Прогресс в самой философской науке сказывается в том, что проблемы получают решение и, решенные, делаются ступенями дальнейшего развития. Противники философии говорят, что она всегда трактует одни и те же вопросы; на самом же деле эти вопросы трансформируются и приобретают более определенный характер и более ясную постановку. Сравните проблему материи, как она была формулирована в древности, — и теперь. Кроме того, возникают новые вопросы, которые древним совсем не были известны, — например, вопрос о субъекте и объекте. Говорят, что перед философией всегда стоят одни и те же проблемы; на самом же деле остаются только имена, но под ними разумеются совершенно другие вещи. Сравните, например, греческий пантеизм и современный: какая значительная разница! Доктрины очищаются, подходят к своему типу, отбрасывают все излишние элементы. Говорят, наконец, что философия обильна противоречиями, но, во-первых, они не относятся больше к одним и тем же объектам, а, во-вторых, они вовсе не отличаются непримиримостью, если вспомнить, что всякая доктрина — это лишь определенная точка зрения на вещи и их транскрипция на известном языке. Для того, чтобы помирить эти противоречия, надо только освободиться от великого идола — отождествления умопостигаемого, научного объекта с самой реальностью. Наука и философия удаляются от того, что им дает действительность. На самом деле каждая доктрина выражает лишь один момент реальности, и можно установить иерархию истин, которые сначала кажутся противоречащими, а в сущности заключают в себе одна другую. На первом плане стоит эмпиризм; за ним следует и его объясняет рационализм, — они друг без друга обойтись не могут; самый рационализм поглощается в феноменальном идеализме. Так же обстоит с наукой, этикой, религией. Материализм и спиритуализм, свобода и предопределение — все обладают твердой и объективной истиной; но понять ее можно только в том случае, если ясно определить те проблемы, на которые эти решения претендуют ответить. Прогресс философии обединяет доктрины, не подавляя их, а указывая каждой ее место. Науке он отдает детерминацию, религии — не менее реальный остаток индетерминации, этике — спиритуалистический взгляд на душу и нравственную личность, который, однако, не мешает материализму быть руководящим методом физических и биологических исследований. И, наконец, каждому философия предоставляет избрать свою

систему, обнимающую низшие точки зрения, — как предоставляет каждому выбрать себе желательную роль в союзе человеческого труда.

Д-р Бонье высказался *об отношении интуиции пространства к интеллектуальным представлениям*. Автор исходит из того принципа, что психологические феномены не что иное, как движения мозгового субстрата; интеллект — это материя мягкой конституции, температура которой равна приблизительно 38°; вот почему каждая мысль, занимая определенный участок этой материи, необходимо имеет пространственный характер.

Фонтэн в докладе *об условиях ответственности* отметил, что идея ответственности в сфере труда подверглась трансформации. Если раньше ответственным за разные случайности во время работы был сам рабочий, то теперь он уступил эту роль своему патрону, который снабжает его *своими* орудиями производства. Из этого факта референт думает вывести заключение, по которому экономическое состояние общества всегда является основой идеи ответственности.

Лаланд, Гелон и приват-доцент Московского университета В.Н. Ивановский внесли свои проекты о средствах для выработки определенной философской терминологии, которая носила бы общий для всех национальностей характер.

Проф. Пароди ознакомил членов конгресса с весьма оригинальной теорией Дюрана (де Гро), — теорией *полизоизма* или *полипсихизма*, в силу которой наш организм обладает не одним психическим центром, а бесчисленным количеством особых индивидуальностей, соответствующих нервным центрам: каждый из последних представляет собою зоонит, или зойд, т.е. некоторое элементарное животное.

Г-жа Бертши сообщила о деятельности нью-йоркской Society for Ethical Culture и о положении университетов во Франции; Поль Дежарден — о деятельности Union pour l'action morale.

Много рефератов было посвящено философии математики и механики, были очень интересные для специалистов сообщения о разных моментах философии Платона и Аристотеля.

Вообще в разных рефератах были затронуты почти все кардинальные темы философии и ее истории. Конгресс оказал на всех участников очень бодрящее впечатление, и они вынесли из него глубокую уверенность, что союз философии и наук становится все теснее и плодотворнее*.

* Материалом для этого краткого очерка послужили обстоятельный отчет о конгрессе, данный редакцией журнала *Revue de métaphysique et de morale* (1900, № 5), и статья А. Lalande в № 11 *Revue philosophique* за 1900 г.